

Женщины — за мир!

Женщина, склонившаяся над колыбелью сына, думает о его будущем... Души матери одинаковы под небом Флориды и на берегах Волги, под крышами Парижа, Лондона или Лидице.

С древнейших времен художники и мыслители вкладывали оживляющую ветвь мира в руки женщин. Женщины давали жизнь человеку. Лучшие матери никто не помет, что значит мирный восход солнца.

Обращаясь к участникам первого Всемирного конгресса матерей в Лозанне, Нанси Уикмет писала: «Как бы стары мы ни были, мы всегда — дети наших матерей... Как бы стары мы ни были, в болевшие, в страхе или в горести мы всегда всем сердцем зовем мать. Рабочие, крестьяне, дипломаты, генералы, короли, ученые, миллиардеры — все это наши сироты. Обратитесь к ним так, как мать обращается к своему сыну. Они послушают вас. Вы, матери, можете сохранить мир лучше, чем кто-либо».

Женщины — это половина всего человечества. Но никогда в прошлом не осознавали они, какую огромную силу составляют на исторической арене, сколь весомы их слово и дело в борьбе за мир, за социальную справедливость. А ныне Международная демократическая федерация женщин — одна из самых влиятельных и мощных прогрессивных организаций на земле.

Десять лет назад, 26 ноября — 1 декабря 1945 года, в Париже состоялся Международный женский конгресс. 850 делегатки и гости, представлявшие десятки миллионов женщин большинства стран мира, съехались на берега Сены. Это были женщины разных цветов кожи, различных языков и наречий, политических и религиозных убеждений, социального положения в обществе. Их приехав в Париж зов жизни. Их объединили коренные потребности международного женского движения, стремление упрочить мир и демократию, улучшить условия жизни своих детей, добиться полного раскрепощения женщин от гнета и бесправия.

На конгрессе в Париже были посеяны семена, которые дали прекрасные всходы. Ныне голос Международной демократической федерации женщин уверенно звучит на всех континентах. Более 200 миллионов женщин 80 стран объединяет она в своих рядах.

Много славных побед на трудном и благородном пути федерации. В нашей памяти еще живы мощные манифестации, проведенные ею в поддержку Обращения Всемирного Совета Мира. Мы вспоминаем имена французской Раймонды Дюан, простой бразильской матери Эммы Бранко и других.

Нельзя заснуть на счету Международной демократической федерации женщин. Среди делегатов Первого Всемирного конгресса сторонников мира было 366 женщин — посланницы 85 миллионов женщин из 90 различных организаций. Половину подписей под Стокгольмским Воззванием, Обращением за Мир и Венским обращением против подготовки атомной войны собрали женщины. Когда из-за океана в Женеву отразившаяся груженая американским вооружением суда, женщины были активными участницами движения против атомных перевозок. Известна борьба федерации и ее национальных организаций против

ремилитаризации Западной Германии и парижских соглашений, за сильную демократическую миролюбивую Германию. Велика заслуга женщины и в том, что миролюбивые народы добились заключения перемирия в Корее, и в том, что погашен огонь войны в Индо-Китае.

Международная демократическая федерация женщин выступает в защиту детей от опасности войны, за улучшение их жизни, образования и воспитания. По инициативе федерации с 1950 года установлен Международный день в защиту детей — он отмечается каждый год 1 июня в большинстве стран. На созванной в апреле 1952 года Международной конференции в защиту детей ее участницы обратились с призывом к мужчинам и женщинам обоих полушарий. В этом обращении говорится:

«Земля достаточно богата, чтобы прокормить детей всего мира. Наука и техника в состоянии обеспечить счастливые жизни для всех детей. И есть страны, в которых, несмотря на то, что они жестоко пострадали во время последней мировой войны, дети живут безмятежной жизнью и растут, уверенные в своем будущем...»

Мужчины и женщины доброй воли! Отдадим все наши силы, объединим наши усилия для того, чтобы обеспечить детям всего мира право на жизнь, здоровье, на интеллектуальное и моральное развитие».

В ноябре для нынешнего года, по инициативе федерации, состоялся Всемирный конгресс матерей в Лозанне. Летоиспираторы не знают подобной ассамблеи матерей. Они собрались во имя того, чтобы объединиться для жизни детей, во имя того, чтобы злые силы никогда не топтали молодые всходы.

Важную роль играет федерация в борьбе за то, чтобы женщина получила равные права с мужчиной в тех государствах, где еще существуют различные ограничения и дискриминация. Федерация зовет женщин капиталистических, колониальных и зависимых стран к активным действиям в борьбе за свои права, за улучшение материального положения, за социальную справедливость.

Десятилетний путь Международной демократической федерации женщин — это важная веха в борьбе миллионов женщин за мир, за жизнь детей. Сила федерации в том, что ее деятельность отвечает чаяниям и желаниям, разуму и сердцу простых женщин, общности их стремлений к миру и социальному прогрессу.

С удовлетворением отмечает советский народ, что наши женщины стоят в первых рядах борцов за мир. Советские патриотки участвуют во всех кампаниях в защиту мира и национальной независимости, которые проводит федерация.

Ныне, когда достигнуто некоторое смягчение международной непогоды, женское движение призвано сыграть большую роль в борьбе против попыток зачеркнуть «дух Женевы», против тех, кто стремится вновь укрепить гнилые подпорки «холодной войны».

Заключительные слова Манифеста, принятого в Лозанне, гласят: «Нас миллионы, протянем друг другу руки!» Все больше женщин сознает, что объединенные, они непобедимы. Все новые женские организации встают под знамена Международной демократической федерации женщин. Мы ждем же ей от всей души доброго пути на великом пути. Пусть деятельность федерации ширится с каждым днем, словно полнолуныя река, не стесненная берегами.

Вечер, посвященный 75-летию со дня рождения Александра Блока, состоялся в Концертном зале имени П. И. Чайковского.

Константин Федин, открывая вечер, отметил, что Александр Блок — поэт трагический, поэт борьбы между светом и мраком, поэт неистового столкновения нового со старым, поэт, выстоявший миром гибнущим и подвластным тем вихрем, в шуме которого рождалась революция.

Всем своим существом он ощутил неизбежность полной смены эпох: как поэт, он обрел на гонимой земле, которую принадлежал, и востел победу другому времени, которое породило Советскую страну.

Литературная критика справедливо говорит, что Александр Блок не обладал последовательным революционным мировоззрением. Но богатство его чувства, бурность его мироощущения, противоречие его максимализма и его пронзительность, проясняющая, досель отражениями, молниями революцион-

ной борьбы. Он не бежал этих молний, не закрывая взора от ослепительных вспышек. Его проноконовьяная близость к судьям Родины, как бы ни были они трудны, держала его дух в непреодолимой работе.

Едва ли кто другой так дорожил словом, как он. Каждое его выступление становилось событием, потому что он говорил только о самом главном, о чем не сказать в переживаемые годы было нельзя и о чем не сказать он не мог.

Блок оставил нам в живое поучение, как наследие истории, ною трагедию, свою печаль сердца и вместе с тем — свой восторг духа, свою страсть, запечатленные в поэме и стихах первой поры Октября, — заключает Конст. Федин.

С докладом «Блок и советская поэзия» выступил П. Антокольский. Вечере приняла участие М. Алигер, С. Городецкая, М. Рольник, Н. Тихонов, С. Корочевский, С. Чиковани, С. Кирсанов, М. Луконина, А. Межиров.

В раскраске «Человек родился» Э. Вяк колоритно изображает суровый труд латышских советских рыбаков в Балтийском море, показывает воспитывающее влияние коллектива на мужественных, закаленных олуками и в то же время отъявленных и чутких советских людей. Рассказ проникнут горьковским уважением к человеку. Особенно выделяется оно в конце рассказа, когда моряки на траулерах с искренней сердечностью поздравляют своего товарища, узнающего от рыбаков проходившего мимо судна о рождении сына. Рассказ возбуждает чувство благодарности радости за советского человека.

Большой интерес читателей вызвали очерки Ж. Гривы о труде латышских рыбаков — под общим названием «Под крыльями альбатроса».

В последние годы на первое место вышла тема, к которой чаще всего обращаются рассказчики. Это — быт советского человека, его семейные отношения, вопросы воспитания детей. Эти вопросы привлекают внимание писателей все времена, привлекают они внимание и сегодня. Известно, какое важное место в жизни человека занимает любовь, пробуждающая в нем благородство и душевное

величие. Известно также, что из-за отсутствия взаимного уважения, из-за безответственного отношения людей друг к другу, из-за обостренного самонадеянности разрушается семья, что алкоголизм приводит человека к халатности в работе, к хулиганству. И, конечно, литература не может проходить мимо отрицательных сторон быта, должна помогать партии, государству, обществу укреплять в советских людях высокоморальное отношение не только к труду, к общественному имуществу, к близким, но и ко всему человеческому коллективу, к каждому его члену. Поэтому не может быть никаких приторных выхождений против бытовых тематик — ведь такие голоса еще нет, да и раздаются.

Но некоторые тенденции, заметные в последнее время в латышском (и, может быть, не только в латышском?) рассказе, вызывают тревогу. Эти тенденции на недавнем творческом собрании писателей Латвии были названы измечтанием темы — когда бытовая тема предстает просто мелкой, незначительной. Беспокойство здесь и другое: если передать республиканские литературно-художественные и общественно-политические журналы «Барогс», «Звайгзне», «Надою Латвия снится» за последний год, то мы редко встретим рассказ, в котором не изображался бы семейные неурядицы, пьянство и не прославлялась бы убогость орача. Лишь изредка появляется рассказ, посвященный социалистическому отношению к труду, к коллективу или какой-либо другой широкой социальной проблеме. Читая латышские рассказы последнего времени, можно, право же, предположить, будто главная и единственная проблема нашего сегодня — борьба с пьянством и свирепые утюги семейного гнева.

Незначительность, порой анекдотичность тематики сочетаются с навязчивым дидактизмом, сентиментальной слащавостью и схематичными приемами разработки темы.

Возьмем, например, опубликованный в прошлом году в «Барогсе» рассказ Эвада Вилка «Пустой дом». Э. Вилка — один из наиболее деятельных и талантливых представителей латышского рассказа. У него есть умение строить повествование, он не боится вскрывать противоречия нашей жизни. Но в последнее время он явно начинает идти по пути наименьшего сопротивления. В рассказе «Пустой дом» у колхозника Микеласа Приедита молодая, красивая, работающая жена. Сам он хорошо зарабатывает в колхозе, но иногда по нескольку дней пьянствует и не является домой. В конце концов жена и сын возвращаются. А чтобы уж ни у кого не возникло сомнения в преимуществе хорошей, чистой семейной жизни, в конце рассказа автор приводит к счастливому дому одинокого сектантку Юлу, всю жизнь напрасно верившую в Иисуса Христа как своего нареченного, и красивую Майю Силияну, живущую пустынной жизнью и хотевшую замочить в свои руки Микеласа Приедита в минуту его душевной слабости. Обе женщины тайком темной ночью смотрят на уют умиротворенной семьи и уходят каждая в свою сторону. «А в огне Приедитов горел яркий свет, над трубой вилась и небо струйка дыма, и от дома исходили чудесные запахи. Видно, здесь готовили вкусный ужин».

Там, где острые вопросы быта не воплощены в полноценные художественные образы, не взяты широко, в общей связи с общественными явлениями, где не раскрыты глубоко переживания людей, — там вместо настоящего произведения искусства получается лишь дидактическая болтовня, изложенная более или менее гладко. Известно, что Чернышевский говорил об искусстве как «учебнике жизни». Это глубоко справедливо — у большой литературы люди всегда учились жить, но классическая литература учила не навязчивой дидактикой, одетой в литературно грамотные фразы, а правдой жизни, воплощенной в художественные образы, той правдой, которая заставляла читателей многое переучиться, многое перенять. То же можно сказать и о лучших произведениях советской литературы. Нельзя превращать литературу в прикладное искусство нравственности; навязчивое поучение поучает в художественном произведении не волнует и не захватывает даже детей, не говоря уже о взрослых.

В буржуазной Латвии — да и не только в Латвии — был бычий печатать на рождение в журналах и газетах сентиментальные дидактические рассказы. В них изображались, как в бедную семью является с подарками какой-нибудь давно пропавший и разбогатевший в странах за рубежом сын, как возвращается «блудный сын» или брошенный женой и детьми отец, как чье-нибудь одинокое сердце находит спутника жизни. И наконец, в глазах несчастных сирот начинают сиять веселые пламя свечей и звучат слова

«Кто бы ни побывали находящиеся в Индии с визитом друзья товарищи Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев, — на завод и фабриках Бомбея, Мадраса, Бангалора и Калькуты, на государственных фирмах, в научно-исследовательских институтах, — они повсюду проявляли живой интерес к успехам индийского народа, в ожели готовности крепить и разивать тесное сотрудничество между Советским Союзом и Индией».

24 ноября товарищи Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев посетили государственную молочную колонию Аари близ Бомбея. В память о своем пребывании на ферме они посадили по миладному деревцу. Возле эти молодых деревьев были установлены таблички с надписями по-русски и на языке хинди: «Это дерево посадили товарищи Н. А. Булганин, Председатель Совета Министров СССР, 24 ноября 1955 года», «Это дерево посадили товарищи Н. С. Хрущев, Член Президиума Верховного Совета Союза ССР, 24 ноября 1955 года».

На снимке: Н. С. Хрущев поливает посаженное им деревцо.

1 декабря исполняется 21 год со дня злодешнего убийства врагами народа выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства С. М. Кирова. На предприятиях и в учреждениях Ленинграда и области, в колхозах, МТС и совхозах проводятся беседы о жизни и революционной деятельности пламенного борца за коммунизм. Беседы состоялись в цехах и обществах Кировского завода, на фабрике «Красное знамя», Невском машиностроительном заводе имени В. И. Де-

ПРОЛЕТАРНИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 143 (3488) Четверг, 1 декабря 1955 г. Цена 40 коп.

НАВСТРЕЧУ ДЕКАДЕ ЛАТВИШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Правда сурова и величественна

Карл КРАУЛИНЬ

В латышской литературе рассказу принадлежит выдающееся место. Его реалистические традиции восходят к восьмидесятым годам прошлого столетия, ярко расцветая на рубеже двух эпох. Рудольф Блауман, Эрнест Биранек-Упит, Сурабу Эдхус правдиво вскрыли классовые противоречия в деревне, показывая, как возникающие капиталистические отношения разрушают старый, патриархальный жизненный уклад, разоряют крестьян-бедняков, подрывают семейные основы, подкапывают в человеке все человеческое.

Под плодотворным влиянием революции 1905 года и Октябрьской революции развиваются реалистический талант Андрея Упита, значительно углубившего лучшие традиции критического реализма. Немалый вклад в жанр рассказа вносят революционные писатели, под руководством Коммунистической партии борющиеся за советскую власть. В тридцатые годы в латышскую новеллистику входит талантливый автор — Вилие Липс, ставший одним из выдающихся мастеров прозы. К 1940 году латышская литература накопила достаточный опыт не только в критике буржуазного общества, но и в художественном отображении новых сил, создания образов борцов за социалистический строй. Опираясь на этот опыт, латышские передовые писатели сравнительно быстро овладели утвердившимся в советской литературе методом социалистического реализма.

В годы Великой Отечественной войны рассказы А. Упита, В. Липса, А. Григулдаса, А. Саксе, Я. Гранта, Я. Ниедре, И. Леманиса, А. Броделя вдохновляли воинов на фронте, латышских патриотов на оккупированной гитлеровцами территории, рабочих и крестьян, самоотверженно трудившихся в тылу Советской Армии. Они не отступили ни на шаг от своей верности к делу и к родине, но и в сей день их нельзя читать без волнения.

В первые послевоенные годы в республике развернулось строительство, деревня решительно поворачивалась к социализму. Рассказ этого периода вообрал в себя главным образом два центральных темы: борьба с буржуазным национализмом и создание новых социалистических отношений в деревне. Остро и по-партийному разоблачил классового врага, наши писатели порой слишком обремененно, без густоты психологического прозрения показывали духовный рост советского человека. Но все это было трудными годами, трудными освоенями нового материала.

Широкое и многостороннее восприятие жизненной действительности, естественно обусловлено взлетом большой эпической формы — романа и повести. Создатели эпопей А. Упита и В. Липса, романы и повести А. Саксе, В. Берде, Я. Гранта, А. Григулдаса. Широко задуманные произведения «сегодня» все время писателей, и все-таки нельзя оправдывать наших литераторов, забывших о жанре рассказа, о его богатых возможностях в изображении острых и злободневных явлений жизни, в воспитании народа. Рассказ в эти годы значительно отстал.

Лишь в последние три года положение изменилось. В жанре короткого рассказа с успехом выступают авторы, главным образом молодые, — Ж. Грива, С. Скунин, М. Бирзе, И. Лубойс, В. Кацена, Дз. Ринкуле, Л. Пур, И. Мелдере. Редакция журналов уже не стесняется нахватку рассказов.

Большинство наших прозаиков творчески разрабатывают серьезные жизненные проблемы, стремятся отобразить силу, играющую важную роль в дальнейшем подеме экономики и культуры нашей республики, в волнующих художественных образах раскрыть глубокие жизненные конфликты. Постановкой острых и значительных социальных проблем завоевали сердца читателей лучшие рассказы Я. Гранта, Я. Ниедре, Е. Лагановского. На больших, сложных темах росли и Э. Вилка, А. Янсон, В. Клайвер, М. Бирзе.

Широким тематическим диапазоном отличаются сборник рассказов В. Клайвера «Маленькая хозяйка тракторной станции».

В рассказе «Человек родился» Э. Вяк колоритно изображает суровый труд латышских советских рыбаков в Балтийском море, показывает воспитывающее влияние коллектива на мужественных, закаленных олуками и в то же время отъявленных и чутких советских людей. Рассказ проникнут горьковским уважением к человеку. Особенно выделяется оно в конце рассказа, когда моряки на траулерах с искренней сердечностью поздравляют своего товарища, узнающего от рыбаков проходившего мимо судна о рождении сына. Рассказ возбуждает чувство благодарности радости за советского человека.

Большой интерес читателей вызвали очерки Ж. Гривы о труде латышских рыбаков — под общим названием «Под крыльями альбатроса».

В последние годы на первое место вышла тема, к которой чаще всего обращаются рассказчики. Это — быт советского человека, его семейные отношения, вопросы воспитания детей. Эти вопросы привлекают внимание писателей все времена, привлекают они внимание и сегодня. Известно, какое важное место в жизни человека занимает любовь, пробуждающая в нем благородство и душевное

Памяти Сергея Мироновича Кирова

1 декабря исполняется 21 год со дня злодешнего убийства врагами народа выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства С. М. Кирова. На предприятиях и в учреждениях Ленинграда и области, в колхозах, МТС и совхозах проводятся беседы о жизни и революционной деятельности пламенного борца за коммунизм. Беседы состоялись в цехах и обществах Кировского завода, на фабрике «Красное знамя», Невском машиностроительном заводе имени В. И. Де-

различной проповеди о «благочеловечии в человеке». Когда прочитаешь некоторые рассказы, невольно вспоминаешь именно такие «рождественские» сочинения.

Вот, например, журнал «Звайгзне» начал издавать этюд молодой писательницы З. Фреймане «Человек не любит одиночества». Молодая, смазливая парикмахерша Алиса пять лет назад пережила разочарование в любви и с той поры зажилась одиноко, избывая мужья. Но вот в парикмахерскую стал заходить некий «незнакомец», который внимательно и серьезно смотрел Алису в глаза. В один прекрасный день незнакомец, который, конечно, оказался тоже одиноким, приходит в парикмахерскую с восьмилетним сынишкой и приглашает Алису на день его рождения. У Алисы, против воли, возникают теплые чувства к одинокому отцу и сыну, который так же, как и отец, смотрит на нее «серьезными глазами». Чтобы завоевать сердце мальчика, Алиса бегит покупать ему подарок, приходит на день рождения и, конечно, остается у серьезного отца и его не менее серьезного сына. Вот и все. Человек действительно не любит одиночества. Но он также не любит сладострастия.

Нельзя просто пройти мимо этого легкого читва. Нужно говорить о нем, ибо здесь очевидна неверная тенденция, отход к стороне от широкого основного потока латышской литературы.

В новейшей латышской бытовой рассказе не только сладострастия, но и натуралистические тенденции. Янсон все это проявилось в рассказе В. Клайвера «Лора без мачты». Чтобы пьянцу-рыбака показать еще более омерзительным в его отношениях к семье, автор рисует натуралистические кадры сцены.

Социалистический реализм требует взвешенного отношения к жизни, ее явлениям и большому художественному мастерству, но это, конечно, отнюдь не означает, что различные бытовые конфликты нельзя изображать юмористически, комически или сатирически. Наоборот, смехом писатель мог бы добиться большего, чем дидактикой, натурализмом и сладострастием.

А. Григулдас недавно опубликовал незавершенный рассказ о любви «Везет же ему!». У колхозного кузнеца рвется любовь потому, что свидание он назначил на берегу реки, в которую закинул удочки с зювочками, а оуки так бьезали, что зювочки звенели, не переставая, и девушка убежала.

Читая этот рассказ, читатель, по крайней мере, может улыбнуться, у него становится веселее на сердце, — и это уже хорошо. Но при чтении большинства латышских рассказов последнего времени читатель ни разу даже пошевелиться не удается. Измельчение жизненных проблем в рассказах последнего времени привело к измельчанию самой формы. Если раньше рассказ часто превращался в повесть, то теперь он делается наброском. Так многие авторы и называют свои произведения. Что ж, и этот жанр имеет право на существование, зарисовка характеров и их взаимоотношений может быть интересна, если в ней есть заявка на серьезную, свежую и оригинально воспринятую тему. Но если такой набросок характеризуется лишь поверхностным взглядом, нежеланием углубляться в реальные человеческие характеры, тогда для него не должно быть места в наших журналах! А ведь именно таков набросок А. Янсона «Влюбился». На двух-трех страничках рассказано, как зазнавшийся и до глупости самолюбивый молодой актер становится пьяницей и оборванцем из-за того только, что в театре пошла слухи о его связи с актрисой, которую он по-настоящему любит. Узнав об этом, друг с возмущением подкалывает пьяницу в бутете. Это и все; автору можно верить, можно и не верить, ибо ничего не показано.

Е. Ратнер в рассказе «Уважение» тоже рисует распавшуюся любовь. Некий молодой учитель и поэт зазнается, перестает серьезно работать. Жена теряет к нему уважение, а заодно — и любовь. Откуда и как вырастает это зазнайство, не показано. И опять-таки читатель не верит этой ситуации, как не верит тому, что секретарь парторганизации одним повизанием к умным речам может решить этот конфликт.

Не так давно некоторые писатели старались смягчать и ослаблять конфликты. Теперь у них заметна тенденция сгустить конфликт в начале произведения, чтобы легко разрешить его в конце. Это — остатки той же неверной и вредной «теории» бесконфликтности, мешающей правдиво показывать жизнь. Обязательное разрешение сложных жизненных противоречий в литературном произведении не способствует серьезной борьбе против сил, мешающих нашему движению вперед.

Мы указали здесь на одну опасную тенденцию в латышском рассказе последнего времени. Она, конечно, не характерна для произведений всех латышских прозаиков, но получила непомерно большое развитие.

Нет сомнения, что нездоровые тенденции в рассказе последних лет будут преодолены латышской литературой, и в нашей малой эпической форме зазвучит та правда реальной действительности, которая хотя и сурова, но величественна, потому что она воплощает неуверенное движение и победоносное развитие всей богатой и многоликой советской жизни.

II Всесоюзный съезд советских архитекторов

29 и 30 ноября съезд продолжал свою работу. В докладах В. Светличного, В. Мыслина, М. Осоловского, Н. Баранова на обсуждение делегатов поставлены вопросы организации и индустриализации строительства, вопросы проектирования промышленных и сельскохозяйственных сооружений, проблемы архитектурного образования. Характерная черта докладов — конкретная критика ошибок и недочетов в работе архитектора в свете указания партии и правительства животрепещущих проблем дальнейшего развития архитектуры и строительства, воспитания кадров.

Тепло встретили делегаты письмо одного из старейших зодчих страны И. В. Жолтовского. Он привалл четко и открыто признать недостатки архитектурного творчества. «Чтобы сделать удобно и красиво, не нужно тратить много денег. Древние говорили: «Он не мог сделать красиво, поэтому сделал богато». Настоящая красота проста и разумна. Не сделать просто и красиво — не легко. Для этого нужны большой труд, большие знания».

Все доклады и выступления пронизывает единая мысль: без типовых проектов, без индустриальных методов строительства, без унифицированных деталей, без массового поточного производства не развернуть всю ширь строительства новых городов, заводов, домов.

— Нам нужны архитекторы, — говорит Н. Баранов, — способные осуществлять прежде всего массовые виды гражданского и промышленного строительства и решать коренные вопросы градостроительства.

Речь идет не только о том, чтобы учить этому студентов архитектурных институтов, — новые сложные задачи встают перед всеми архитекторами страны. Они должны овладеть не только высоким архитектурным мастерством, но и инженерной наукой, позволяющей строить быстро и экономно.

Уже первые выступления в пленумах В. Каменского (Ленинград), М. Усейнова (Азербайджанская ССР), А. Дорохова (Москва) и других выдвинули ряд острых, дискуссионных вопросов о планировке городов, о борьбе с излишествами и опасностью упрощенчества, о типе квартир и т. д.

Съезд заслушал доклад Г. Голово «Об изменениях в Уставе ССА СССР» и доклад мандатной комиссии.

С приветствиями съезду выступили тепло встретившие гости — Цзяо Сянь-мин (Китайская Народная Республика), Чинит Буджайян (Монгольская Народная Республика), Петр Ташев (Народная Республика Болгария), проф. Ганс Хопп (Германская Демократическая Республика), Эде Фекете (Венгерская Народная Республика), Николас Балдеску (Румынская Народная Республика). Была зачитана приветственная телеграмма от албанского Союза архитекторов.

Встреча литераторов двух республик

ФРУНЗЕ. (Наш корр.). По приглашению киргизских писателей гор. Фрунзе посетила большая группа литераторов Казахстана, возглавляемая Габитом Мурсуровым. Они встретились с писателями, журналистами, учеными, деятелями культуры республики. Гости тепло приветствовали секретаря Союза писателей Киргизии К. Маликова. В откровенном слове казахский поэт К. Джамбылбетов выразил надежду, что выступление казахских поэтов перед киргизскими читателями послужит началом еще более тесного, живого общения писателей двух республик, будет способствовать дальнейшему развитию их литературы.

Затем с чтением своих стихов выступили гости; переводы из казахской поэзии прочитали киргизские поэты.

В Союзе писателей Киргизии казахские и киргизские поэты обменялись мнениями о наиболее интересных явлениях в творческой жизни братьев литератур.

Ежегодно в Киргизии большими тиражами издается книга казахских писателей. В нынешнем году вышли на киргизском языке отдельные издания избранных произведений Абая и Джамбула, первая книга широко известного романа М. Ауэзова «Абай». Готовятся к печати на киргизском языке «Школа жизни» С. Муканова, «Караганда» Г. Мустафина и другие книги казахских писателей.

Выдающийся прозаик Грузии

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). Литературная общественность Грузии отменила 75-летие со дня рождения одного из крупнейших грузинских прозаиков Нико Лордкианидзе. Писатели, выступившие на торжественном заседании, отметили, что лучшее произведение Н. Лордкианидзе глубоко народно и реалистично. В повести «С трилисток на рельсы», написанной в двадцатых годах, писатель первым в советской грузинской прозе изобразил рабочий класс, как силу, призванную ломать старое, показал ведущую роль партии коммунистов в борьбе трудящего народа.

В дни Отечественной войны, прикованный тяжелой болезнью к постели, Н. Лордкианидзе на материалах героической истории грузинского народа писал пламенные патриотические произведения («Возвращение из плена», «Непреклонные»), в которых утверждал мысль о бессмертии боя, отдающего свои силы и жизнь Родине.

На вечере выступил с докладом Д. Шенгелия, своими воспоминаниями поделились Б. Жукети, Л. Кацели, Г. Леонидзе, К. Гамсахурдия, А. Ахтатовская. Получена телеграмма правления Союза писателей СССР, в которой отмечается, что советские писатели глубоко чтут память выдающегося мастера художественного слова Н. Лордкианидзе.

В Минск приехали польские писатели

В Минск прибыли гости из Польской Народной Республики — поэт Владислав Броженский и профессор Варшавского университета Мария Рената Майен, находящиеся в СССР по приглашению Союза писателей. Гости приняли участие в торжествах, посвященных Аламу Мицкевичу.

Книга типографского рабочего

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). Более четверть века работает в одной из ташкентских типографий Адылхан Юнусханов. За эти годы он овладел почти всеми специальными профессиями типографского дела — был и простым рабочим, и печатником, и наборщиком. Недавно он написал стихи для детей — увлекательный рассказ о том, как делается книга. «Наша типография» — так названа его книга. Она вышла в Узбекском государственном издательстве и с интересом встречена юными читателями.

Пусть растёт дерево дружбы!

Когда к тебе приезают друзья, хочется показать им все самое лучшее, все, чем ты гордишься, чтобы они порадовались твоим успехам. И советские искренне радуются тем достижениям, которые добилась Индия за короткий срок после избавления от колониального ига.

Где бы ни побывали находящиеся в Индии с визитом друзья товарищи Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев, — на завод и фабриках Бомбея, Мадраса, Бангалора и Калькуты, на государственных фирмах, в научно-исследовательских институтах, — они повсюду проявляли живой интерес к успехам индийского народа, в ожели готовности крепить и

развивать тесное сотрудничество между Советским Союзом и Индией».

24 ноября товарищи Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев посетили государственную молочную колонию Аари близ Бомбея. В память о своем пребывании на ферме они посадили по миладному деревцу. Возле эти молодых деревьев были установлены таблички с надписями по-русски и на языке хинди: «Это дерево посадили товарищи Н. А. Булганин, Председатель Совета Министров СССР, 24 ноября 1955 года», «Это дерево посадили товарищи Н. С. Хрущев, Член Президиума Верховного Совета Союза ССР, 24 ноября 1955 года».

На снимке: Н. С. Хрущев поливает посаженное им деревцо.

Добрые входы

В седьмом номере журнала «Нева» — почти полный состав из произведений молодых авторов — отсылает нас к себе внимание поэта Михаила Голденко «Добрые входы». Привлекает она не какой-либо яркостью или оригинальностью (этого в поэме, к сожалению, явно недостаточно), а тем, что в ней, как мне кажется, очень полно отразились типичные для творчества некоторых наших современных молодых поэтов особенности.

Здесь прежде всего рудет стремление поэта к лирическому осмыслению больших современности. В «Добрых входах» — это тема дружбы и помощи украинского народа его «младшим братьям» — украинцам. Измаильскими, людем, сравнительно недавно начавшим строить у себя советскую жизнь, которым поэтому помощь их старших братьев нужна, как воздух. Таким «старшим братом» выступает в поэме демобилизованный матрос-черноморец Илья Порада, которого из Одессы направляют бригадиром в один из совхозов Измаильщины. Все, что здесь передано посланием рабочей Одессы, продиктовано желанием помочь своим новым друзьям, «поднять их», пробудить человеческое достоинство, поправить в этих труднейших и честных годах жизни иностранного владычества, годами унижений. Дейтельность Поруа приносит поистине добрые входы. Она — эта деятельность — и в «голудых стрелчанках озимой», дружно взорвавшейся на полях колхоза, она — что еще важнее — в изменившихся судьбах людей, в том, что юная Уляна закончила курсы комбайнеров, в том, что стал настоящим человеком соперник Ильи в его любви к Уляне — Микола Совка, темный парень, выросший под панскими батонами...

Обо всем этом Михаил Голденко рассказывает просто, спокойно и лаконично в восьми небольших насыщенных событиями и переживаниями главах. Причем наиболее удачно, на мой взгляд, в поэме именно то, что относится к переживаниям, к области человеческих чувств и сильных душевных движений. Описательные главы поэмы несравненно слабей и прозрачнее ее лирических глав (например, сцена приезда Поруа в село, почти все сцены в поле и некоторые другие).

Вот одно из лучших лирических мест поэмы — взволнованное описание сердечного сматания Уляны, неожиданно убедившейся в том, что для нее

И Поруа и Микола — Оба хороши и милы.

Каким-то внутренним зрением, зрением сердца отчетливо видит пред собою девушка две картины. Вот она замужем за Миколой:

Посмотри, вон муж твой, Совка, Впереди.

За ним покорна, Как овечка на веревке,

«У, Уляна, в шали черной.

Твой Микола — в шали белой,

В куртке теплой из овчины,

Широко шагает, смело: Он хозяин,

Он мужичина.

Он не поднимает взгляда От дорожной черстной пыли, Ты считаешь, так и надо: Так отец и мать ходили...

А вот то же тропой пред внутренним взглядом героини проходит другая пара:

Он ее проводит лугом,

Тихо руку сжав в заняте,

Улыбаются друг другу,

Оба светятся от счастья.

Он всегда ей даст дорогу,

Лучшее уступит место...

...это он — Илья Поруа.

Это ты с ним, Ты, Уляна!

Образно высказанная мысль автора здесь очень поэтически и убедительно. И Микола и Илья Поруа — оба любят Уляну, но как различна эта любовь и как различно будущее этой любви!

И все же Уляна выбирает по хорошему Поруа, с которым — она это знает — может быть так счастливо, а ошибающегося Миколу, которому Поруа, сам горячо любящий Уляну,

В ДЕКАБРЬСКИХ НОМЕРАХ

В декабрьских номерах большинства журналов замечательна публикация романов и повестей, начатых в предыдущих номерах. В «Звезде» окончание повести М. Прилежаевой «С берегов Медведевщины», в «Знамени» — романа С. Колдунова «Солнце, которое не заходит», в «Октябре» — В. Закутничина «Сотворение мира», в «Неве» — Е. Пермитина «Чужие песни», в «Дружбы народов» — Э. Крустена «Сердце лоплода», в «Коммунистической литературе» печатаются начало романа югославского писателя Д. Чосича «Солнце далеко» и романа гаитянского писателя Ж. Румена «Хорошие люди».

Журналы публикуют ряд рассказов и очерков, в частности «Новый мир» открывает очерками моряков танкера «Туапсе», освободившихся из гоминдановского плена. Людям целины посвящены две новеллы: Н. Погонина — в «Новом мире» и П. Белобородова — в «Звезде». Большое место уделяется декабрьским номерам журналов теме революции 1905 года.

О том, что не стирается в памяти

«В эти толстые тетради я буду записывать все, что увижу, и все, что вспомню» — так с первой же страницей определяет художественную задачу своей повести «В дни разлуки» Петр Каница. Далее замысел уточняется: «Писать, конечно, надо только о том, что никогда не сотрется в памяти». С этим эмоциональным критерием и подходило к чтению повести. Что же, действительно, пошло в поле зрения писателя? Что никогда «не сотрется» в памяти лирического героя его книги?

Воспоминания всегда немного отрывочны, и этим, видимо, определяется строение повести, та форма раскрытия событий, которую избрал писатель. Шестнадцать толстых тетрадей включат в себя ряд воспоминаний-новелл. В центре этого дневника — образ главного героя, его восприятие мира. Форма дневника очень сближает читателя с героем. Она дает возможность непосредственного, живого общения с ним, позволяет непринужденно соотечать героиню с лирикой.

«Автор дневника» Константин Шилева — штурман китобойной флотилии, находящейся в дальнем плавании. «Мне давно хотелось спокойно оглянуться на прошедшее и осмыслить его... Писать и выводить голды словик сибирь прозрачный горный воздух. Правда, гора невысока: мне всего тридцать лет. Но это, пожалуй, половина жизни». Тридцать лет — это большой отрезок той пути, который стремительно прошла наша страна. И в дневнике Шилева, в образе его, в его жизненном пути, во всемирном заявках, должны быть всемирные характерные черты нашего современника. В этом, собственно, поэтический пафос воспоминаний, этим проверяется их жизненная достоверность.

С очень ранних детских впечатлений начинаются воспоминания Шилева. Со старой, побеленной фотографией, на которой — маленькая девочка с черными, как смородина, глазами». Это Леля Холева, спутница детства, испр. сенатрала и застенчивая девочка — единственная глубокая и страстная любовь Шилева.

В день похорон Ленина в маленьком городке, недалеко от Петрограда, приняли в пионеры Костю и Лелю. И в малом и в большом скрепляются их пути.

Есть в первых главах дневника яркие наблюдения, занятные, остроумные и очень «детские» разговоры героев, есть интересны намеченные и в какой-то мере проявленные характеры. И все же, несмотря на «приятность» этих воспоминаний, все время ощущается некоторую традиционность описаний. Писатель воспроизводит только внешние рисунки поведения героев. Когда же дело касается коренных вопросов, когда хочется узнать не только, что произошло с героями, но главное, как это произошло, как красный пионерский галстук не только был повязан Леле и Косте, но как он по-новому осветил их жизнь, как в широком смысле слова формировал их характер, — тогда автор отделяется от простой регистрационной отписки: «С этой зимы мир перед мальчиком и девочкой расширился. Они вместе ходили на сборы пионерского отряда и узнавали много такого, о чем не умели рассказать ни Костяна мать, ни соседки по двору. Другие люди руководили их мыслями и поступками». Так уходит из воспоминаний неизбежная романтика первых пионерских дней, первого и такого органического слияния личного и общественного, уходит «мысли и поступки». А дальше герои вырастают, но так же тесно связаны их жизни. «Их вместе принимали в комсомол, они не ходили врозь ни на стадион, ни на собрания», — сообщает П. Каница. Но первый «из разлуки» уже подтверждал их. После смерти дедушки Леля по пути к райкому комсомола уехала из дому, и только почти через год снова встретились они в Ленинграде. «Писать... только о том, что не сотрется в памяти». Снова и снова вспоминаешь эти слова, когда читаешь добросовестные, но исчезающие из памяти

Петр Каница. «В дни разлуки». Повесть. «Октябрь», №№ 7 и 8, 1955.

И. ПИТЛЯР

мнги описания того, как Костя работал на заводе в Ленинграде, и думаю о том, что внешне движение сюжета в повести почти не обогащает характеры героев, а иногда даже вступает в прямое противоречие с ними.

С присада в Ленинград начинаются «встречи юного Константина Шилева», начинается неожиданно сложная, а вернее, нарочито усложненная история любви Константина к Леле. Прямая и естественная, непосредственная в выражении своих чувств — такой казалась нам Леля по первым главам повести. Но что случилось с нею, что превратило веселую фабричную девочку в литературную демоническую обольстительницу? Да и Шилев, покорный автору, не отстает от нее. «Им нравилось мучить друг друга», — пишет Каница. Но нравилось-то это ему, а не им. «Почему-то так случается порой», — говорит Каница далее, — что человек, сильно любящий, как бы он ни был добр и мягок, не может не тиранить и не терзать того, кого он любит». А ведь дальнейший ход событий повести призван подтвердить сей «афоризм». Леля «тиранит» Шилева. И в итоге в один прекрасный день Костя бросается в объятия Симы, у которой «зеленоватые, кошачьи глаза» и «белая полоска влажно поблескивающих зубов». Леля ревнует, страдает, и как избавление от этих страданий, приходит к ней мысль о самоубийстве. В последние годы эпоха нашей страны ставит за этим следы «лишние отходы». Главные этапы жизни героев книги — это и этапы жизни страны. Но что же попадает в поле зрения автора? Воспоминания Шилева перебиваются письмами к нему Лели из деревни. Но как мало в этих письмах той конкретной героической реальности, которую включала в себя работа политотдела. Понадобилась главным образом эта эпистолярная форма для того, чтобы передать нарастающее чувство, которое связывает в письмах, вернее, в подписях к этим письмам. Первое письмо — «Крестно мнею руку, Леля». Второе — «Обижаю издавна. Твой Леля». Третье — «Обижаю и люблю, Леля». И наконец, последнее — «Крестно тебе, Твой Леля».

Так и политотдел не стал по-настоящему бытием в жизни героев. Но вот автор переходит к описанию таких еще недавних дней войны. Эти военные тетради — центр книги. Здесь все точно, «грубо, зримо». И в этой весточности и конкретности значительно больше реальной правды жизни, чем в надуманной сложности псевдочувств. Есть люди с настоящей, не выдуманной тошккой. Есть помощник командира катера Шилев и есть военврач Елена Холева. Есть любовь, которая помогает в самые тяжелые часы. И кажется, как будто совсем разные люди — изломанная, истеричная Леля из «средних тетрадей» и та Леля, с которой мы встречаемся на войне; и тоже совсем другой человек Шилев — собранный, одержимый волей к победе.

Насколько стертым, подчас претенциозным языком были написаны главы об «испытаниях чувств», настолько по-хорошему просто описана история волевого участия фронте: «непомогица и «Зеленый луч» Д. Соболева и т. д. Все меньше и меньше становится «белых пятен» в литературе о великой эпопее борьбы советского народа. И то, что не под силу одному писателю, воссоздается дружными усилиями многих. В создании этой эпопеи в общем строю займет свое место и повесть П. Каницы.

Горячая заинтересованность автора в людях, владение материалом создают у читателя впечатление, которое, конечно, не сотрется в памяти, хотя книга в целом неровная.

Т. СМОЛЯНСКАЯ

„Разговор с дочкой“

Сергей Наровчатов обратил на себя внимание читателя такими стихами, как «Молодые коммунисты», «Костер», «Плотник», «Волчонок», в которых он глубоко эмоционально воплотил большие политические темы, как бы определяя свое отношение к жизни, к людям, к миру.

Новым качеством в поэзии С. Наровчатова отмечен опубликованный в журнале «Знамя» цикл «Разговор с дочкой». От острой политической темы Наровчатов в этих стихах переходит к лирике глубоко личной. Но и здесь он решает большие моральные вопросы, и лирика его приобретает тем самым гражданское звучание.

Естественное стремление нашей молодежи к лирике некоторые поэты употребляют во зло. Либо моральными сентенциями, за которыми не чувствуешь подлинности переживаний, отбивают вкус к поэзии чувств, либо стремятся потратить неприязнительному вкусу слащавыми или душительными, но, в конечном счете, благополучными стихами, далекими от подлинной остроты и сложности человеческих переживаний и не помогающими юные или девушки решать свое, личное, трудное. Нашей лирике в последние годы не хватает того, что всегда было у Маяковского, — борьбы за новые человеческие отношения. Много еще у нас стихов, которые не более раскрывают сущности чувства и не более борются за новые отношения, чем объявления о разводе на четвертой странице вечерней газеты.

Объявления о разводе... Они дают еще порой материал для сатириков, но мы много стилидно проходят лирика, предпочтя изображать свадебные торжества...

Сергей Наровчатов написал мужественные, честные стихи — суровые и нежные. Многие люди эти стихи заставляют задуматься о высокой ответственности за судьбу ребенка, о его святом доверии, которое так горько и страшно обмануть:

Ты меня и поздравить забыла С дня моего рождения новым мом... Сколько лет мне сегодня пробило? Сколько оседей? Сколько зим?

Сколько весень?! А была весень! Помню волжский рассвет на юру... Ох, как пели веселые сосны, Как зевали они на ветру!

Как мы молоды были с мамой, Неагалайкой мамой твоей... Ты растешь, как она, упрямой, Тот же взлет непорочных бровей.

Те же губы... Тут спорить залишше... Поглядишь — и злость разберет, Слово съела пригоршню вишен И забыла вытереть рот.

Почему ж мы без общей квартлаты, Почему не живем втроем? В этом мама и я виноваты, Ну, а ты-то, брат, ни при чем.

Очень скверно жить в одиночку, А друг друга надо беречь... Подойди, пожалуйста, дочка, И постой у отповских плеч!

Ценители поэзии отметят «пригоршню вишен», поругают за «злет непорочных бровей», а может быть, и за не впервые звание на ветру сосны. И все это, несомненно, важно; чем значительнее стихи по замыслу, по вложенному в них чувству, тем совершеннее они должны быть по форме. А построичность промахов у Наровчатова можно считать милой. Однако есть в этих стихах та подлинность переживания и глубина чувства, которые заставляют говорить о них, как о произведениях поэзии.

В процитированных строках нет прямого ответа на вопрос: «Что делать?». Но острым опущением небреженной семьи, как небреженной молодежи; проходящей на большую глубине мыслью о возрождении этой собственной молодости в ребенке, растущем на твоих глазах; человечеством бережливого отношения к близким и трогательности, искренности, душевной щедрости, искренности переживаний, правдивости в раскрытии сложной и трудно складывающихся порой человеческих отношений, четкая сложность и конкретность большинства стихов, разнообразие интонаций делают этот цикл шагом вперед в поэтической работе Наровчатова и положительным явлением в нашей поэзии.

Григорий ЛЕВИН

В ДЕКАБРЬСКИХ НОМЕРАХ

Обильно представлено в журналах и поэзия. В связи с декабрьской латышской литературы и искусства печатается много стихов поэтов. В числе других поэтических произведений — новая поэма Я. Смельнова, опубликованная в «Октябре» — «Новый мир». Составлен поэма М. Шестернова «Валерий Чкалов» — в «Знамени»; цикл неопубликованных стихов — «Новые стихи» — в «Новом мире»; поэма Д. Рид и Д. Холл и А. Скотти делится на страницах «Дружбы народов» своими впечатлениями о поездке в Армению.

РАЗВЕДКА БОЕМ

В. СОКОЛОВ

проблемы развития экономики этих важных районов, имея в виду самую дальнюю перспективу.

Это значительно и важно по мысли и потому интересно. Интересно читателю, знающему из жизни, из собственного опыта актуальность этих проблем, интересно и писателю, обучающему новое художественное произведение, посвященное людям индустрии. В Ажаев сознательно ограничивает себя одной стороной дела — постановкой проблем, поэтому, строго говоря, это не очерк, а «пол-очерка». «Вторая половина» — у А. Злобина: он берет уже одну проблему — «встречку» — и на ней вскрывает взаимоотношения людей, борьбу характеров. Хорошим переходом от одного к другому служат интересные записи Д. Гранина, обобщающие отдельные факты и наблюдения непосредственного участника совещания в философские размышления художника. А в сумме и получились боевые «Очерки наших дней!»

Вторая подборка — «В поле этого года» — удалась, к сожалению, меньше. Сказалась старая беда: облегченность подхода к сложнейшим проблемам сельского хозяйства. Лучшее других справился со своей не легкой задачей (судя по всему, очерки писались в кратчайшие сроки, да еще на материале одного и того же Калининского района Московской области) «промышленный» автор — И. Горелик. Его очерк «Изнаменье» наглядно и убедительно передает напряженную трудовую атмосферу, в которой происходит сейчас в деревне подъем сельского хозяйства. А вот по очерку Ю. Нагибина «Новый продукт» выходит, что это тоже, по сути дела, уже успешно завершено. Самым трудным, оказавшись, было убедить начальника районной конторы связи поехать председателем колхоза, а дальше все совершается, как по маслу. Автор поступает просто: «Я не стану перенатывать допий и безобидный рассказ Алексея Николаевича о том, как налаживалось пришесть в сущность колхозное хозяйство; как вернулось у колхозников интерес к делам артели: как они убеждали, что предоставленные им решением ЦК

Л. Розановой «Комсомольцы приходят в университет». Острые этих заметок направлены против формализма в воспитательной работе школы и комсомола.

Очерк Т. Леонтьевой «Экзамен в колхозе» поднимает не менее серьезную тему: как привить сельским школьникам уважение к земледельческому труду, как связать школу с колхозом? Но, поставив эту огромную и сложнейшую проблему, автор гдето в середине очерка вдруг отказывается от движения вглубь и начинает топтаться на месте: появляются разрозненные примеры, случайные аналогии, а тема, во-первых и смело поднятая очеркистом, так и остается неразработанной.

Не удалась, на наш взгляд, и разрозненные заметки М. Прилежаевой «О молодых рабочих». Тут, очевидно, следует подробней сказать о форме такого рода выступлений, которые мы до сих пор единообразно именовали очерком, опираясь на общую для них всех рубрику — «Очерки наших дней». Сказать именно потому, что произведение М. Прилежаевой гремит на наш взгляд, распыляемостью формы. Скорее всего это заметки из записной книжки писательницы, заточка для будущей повести или романа. Они убедительно свидетельствуют о том, что писательница многое увидела, узнала, над многим задумалась, но ход раздумий оставил содержание ее будущих произведений, а пока что сообщаются лишь крайние точки этих, видимо, интересных размышлений — факты и выводы. Проблема, поднимаемая писательницей, несомненно, назрела, эта проблема животрепещет, и хорошо, что М. Прилежаева вновь обращает внимание общественности на необходимость помочь ребятам, оканчивающим пятилетнюю школу, поступить в производственный труд. Однако написать об этом писательница могла лучше, собраннее, глубже и щедрее по мысли.

Думается, что это было бы достигнуто и в данном и в некоторых других случаях, если бы уже в замысле было четко определено — очерк. Именно завершенный, самостоятельный очерк во всем многообразии

Л. Розановой «Комсомольцы приходят в университет». Острые этих заметок направлены против формализма в воспитательной работе школы и комсомола.

Очерк Т. Леонтьевой «Экзамен в колхозе» поднимает не менее серьезную тему: как привить сельским школьникам уважение к земледельческому труду, как связать школу с колхозом? Но, поставив эту огромную и сложнейшую проблему, автор гдето в середине очерка вдруг отказывается от движения вглубь и начинает топтаться на месте: появляются разрозненные примеры, случайные аналогии, а тема, во-первых и смело поднятая очеркистом, так и остается неразработанной.

Не удалась, на наш взгляд, и разрозненные заметки М. Прилежаевой «О молодых рабочих». Тут, очевидно, следует подробней сказать о форме такого рода выступлений, которые мы до сих пор единообразно именовали очерком, опираясь на общую для них всех рубрику — «Очерки наших дней». Сказать именно потому, что произведение М. Прилежаевой гремит на наш взгляд, распыляемостью формы. Скорее всего это заметки из записной книжки писательницы, заточка для будущей повести или романа. Они убедительно свидетельствуют о том, что писательница многое увидела, узнала, над многим задумалась, но ход раздумий оставил содержание ее будущих произведений, а пока что сообщаются лишь крайние точки этих, видимо, интересных размышлений — факты и выводы. Проблема, поднимаемая писательницей, несомненно, назрела, эта проблема животрепещет, и хорошо, что М. Прилежаева вновь обращает внимание общественности на необходимость помочь ребятам, оканчивающим пятилетнюю школу, поступить в производственный труд. Однако написать об этом писательница могла лучше, собраннее, глубже и щедрее по мысли.

Думается, что это было бы достигнуто и в данном и в некоторых других случаях, если бы уже в замысле было четко определено — очерк. Именно завершенный, самостоятельный очерк во всем многообразии

ПРАЗДНИК ЖЕНЩИН ВСЕГО МИРА

1 декабря более чем в семидесяти странах будут отмечать десятилетие Международной демократической федерации женщин. Подобно Всемирной федерации профсоюзов и Всемирной федерации демократической молодежи, МДФЖ образовалась после окончания второй мировой войны. Это отнюдь не случайное совпадение.

Эжени КОТТОН,
председатель МДФЖ

Они решили, что посвятят свои силы важной задаче — укреплению уз солидарности и дружбы между женщинами всего мира независимо от их национальности, вероисповедания или политических убеждений.

Международная демократическая федерация женщин с удовлетворением отмечает деятельность Антифашистского комитета советских женщин, много раз убедительно продемонстрировавшего эту дружбу, пригласив в Советский Союз сотни женских делегаций из всех стран мира.

Все мероприятия Международной демократической федерации женщин отвечали чаяниям и пожеланиям миллионов женщин. В 1952 году Международная демократическая федерация женщин оказала широкую поддержку созыву Международной конференции в защиту детей.

Каждый конгресс, созываемый по инициативе Международной демократической федерации женщин, являлся важным этапом в развитии нашей организации.

В 1948 году — в Буаппенте, в 1953 году — в Копенгагене, наконец в 1955 году — в Лозанне можно было ясно видеть рост авторитета и притягательной силы МДФЖ.

Женщины—депутаты Всекитайского Собрания народных представителей. На снимке (слева направо): Вэй Сю-ин, У Чжи-чжень (национальность Мяо), Мин Со-фын (национальность Буй).
Снимок агентства Синхуа

деней и взглядов твердую поддержку и вдохновляет их на дальнейшую работу. Широкий рост и развитие международного женского движения привнесло нечто новое в сложившуюся международную ситуацию.

МДФЖ рассматривает день своего десятилетия, как праздник солидарности и дружбы женщин всего мира. Гордись омерзительными победами, она будет еще более активно и настойчиво отстаивать столь дорогие всем матерям цели — счастье семей и торжество мира.

Женщины Франции борются за свои права. На снимке: шестьдесят женщин — жен рабочих и служащих города Нанта направляются вместе с детьми к зданию префектуры для того, чтобы потребовать повышения заработной платы их мужьям, улучшения условий труда и быта. Снимок из французского журнала «Фам Франсез»

Десять лет назад

Анна КАРАВАЕВА

Десять лет назад я присутствовала на Международном женском конгрессе в Париже, где была основана Международная демократическая федерация женщин. Горько и грустно было видеть Париж, Версаль, парижские памятники после страшных, черных лет оккупации. Но, несмотря на то, что мы видели Версаль заброшенным, несмотря на то, что всюду мы видели великую нужду народа, мы видели также и нечто глубоко радостное. Французкини, с которыми я разговаривала на Международном женском конгрессе, все дружно повторяли мне, что они очень многое за это время повидали. О чем говорили они?

«... кто-то уже готовил печи, чтобы свечь ее!»
Немного успокоившись, французкини рассказали мне, какое глубокое нравственное удовлетворение испытывает она, присутствуя на этом историческом конгрессе даже как гостья. «Я чувствую, как я здесь учусь понимать жизнь», — призналась она.

О понимании своих общественных, политических и нравственных задач. В самом деле, только что закончилась война, и, оказывается, надо не только торжествовать великую победу, — надо еще и бороться за мир! Если не бороться за это сокровище, то оно может ускользнуть из рук человечества.

Нельзя забыть атмосферы конгресса — его торжественности, приподнятости, энтузиазма. Он происходил в зале Мюстала в городе Сен-Виктор. Небольшой зал, но в нем господствовала торжественная атмосфера. Во всю стену распростерлась огромная карта, сделанная из разноцветных кусков шелка и вышитая руками французских рукодельниц, и на этой карте ярко пламенила очертания Советского Союза.

Из многочисленных встреч, которые были у меня на конгрессе, особенно запомнилась мне встреча с французской женщиной, имени которой я не знаю, средних лет бледной шатенкой в черном, которую я сначала приняла за вдову. Она показала мне фотографию своей сестры, престарелой девушки лет восьмидесяти, и рассказала о ее судьбе. Еще за несколько дней до вторжения гитлеровцев во Францию эта девушка жила «в розовых мечтах», в нетерпеливом предчувствии счастья.

Одну из самых ярких речей против фашизма, против его жестокостей и зверств произнесла Долорес Ибарури. И когда трибуна конгресса была провозглашено на весь мир, что создана массовая, насчитывающая в своих рядах 80 миллионов человек Международная демократическая федерация женщин, зал разразился овацией, длившейся несколько минут. Делегаты обнимали друг друга, обменивались рукопожатиями, это был волнительный торжественный момент в жизни матерей человечества.

«Учтем же нам сейчас высказать, по каким вопросам мы не сходимся? Важно констатировать, что мы сходимся в основном. В вопросе о войне и мире», — сказал Н. С. Хрущев в одной из своих речей, произнесенных в Индии. Я считаю, что федерация работает на основе этой доброй формулы. Женщин самого различного общественного положения, различной национальности, религиозной принадлежности и т. д. объединяет страстное желание сохранить драгоценное сокровище — мир. Сейчас МДФЖ насчитывает уже 200 млн. женщин и распространяет свое влияние на 80 стран мира.

«Почему же ты стал? Или тебя устал? Без тебя мне не сдвинуть плуга. Ты паши, не ленясь, Будем сеять мы рис. Ты мой друг, и нет лучше друга.»

«Она показала мне фотографию своей сестры, престарелой девушки лет восьмидесяти, и рассказала о ее судьбе. Еще за несколько дней до вторжения гитлеровцев во Францию эта девушка жила «в розовых мечтах», в нетерпеливом предчувствии счастья. Скоро должна была состояться ее свадьба с офицером французской армии. И хотя в газетах уже появились немалые сообщения о грозных событиях, которые заставляли больно сжиматься сердца миллионов французок, хорошенькая, счастливая молодая девушка смеялась и говорила, что с таким счастьем, как у нее, она сильнее всех и ничего не боится. «Но, боже мой, какая же ждала судьба!» — сказала мне ее сестра.»

«И тебе я потом Новый выстрою дом, Где не будут кусать москиты.»

Женщины были убиты на фронте. Спасаясь от вторгшихся во Францию врага, сестры метались из одного маленького городка в другой, пока в одной из уличных оврагов младшую не схватили гитлеровцы, и девушка исчезла навсегда. После долгих метаний и поисков старшая сестра узнала, что ее милая сестренка погибла. «Но, поверьте, — заключила моя собеседница своей рассказ, — не только это ужасно, а — как же мы были слепы в жизни! Пока моя бедняжка мечтала о своем

Мне, одной из участниц того исторического собрания, когда создавалась Международная демократическая федерация женщин, чрезвычайно радостно вспомнить, что эти десять лет прошли с большой пользой для дела мира во всем мире.

Мне, одной из участниц того исторического собрания, когда создавалась Международная демократическая федерация женщин, чрезвычайно радостно вспомнить, что эти десять лет прошли с большой пользой для дела мира во всем мире.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Из индийской народной поэзии

Я тебе, буйвол мой,
Плуг куплю золотой
И впридачу яро золотое,
Ты паши, не ленясь,
Будем сеять мы рис,
Золото живое.

Храм на горе. Созивая народ,
В колокол бьют. Догорает закат.
Вниз по реке моя лодка плывет.

Ну, чего же ты стал?
Или тебя устал?
Без тебя мне не сдвинуть плуга.
Ты паши, не ленясь,
Будем сеять мы рис.
Ты мой друг, и нет лучше друга.

Чья это дочь по тропинке идет
за водой?
Браслеты звенят на ногах
звонок-звонок.

Видно по реке на закате
моя лодка плывет.

Я смотрю на нее и не знаю, что стало
со мной.
Вниз по реке на закате плывет моя лодка...

Ветер затаил,
волны стали красней,
чем рубины;

Моя лодка плывет на закате.
Мой милый.

Видно по реке на закате
моя лодка плывет.

В полночь приходи на лесную поляну,
Мой милый.

Там, где река
совершает крутой поворот,
Вижу я дом из оранжевой глины.

Сказку за сказкой, одну за другою
Капли-росянкой рассказывать стану.

На берегу, на зеленой траве,
Чье это сушится спящее сари?
Вниз моя лодка плывет по реке.
Волны красней, чем рубины, стали.

Если ж сама я усну на траве,
Как росника,
Пусть мне приснится ночная лесная
Тропинка,
И по тропинке идушь ты ко мне.

Вечерние тени, пригнувшись,
по склонам скользят.

Месеч-фонарик горит в вышине.
В полночь приходи на лесную поляну,
Мой милый.

Видно по реке на закате
моя лодка плывет.

Месеч-фонарик горит в вышине.
В полночь приходи на лесную поляну,
Мой милый.

Стихи взяты из книги «Встреча с моим народом» (1951 г.) известного индийского фольклориста Дендара Сатнари, собравшего более 300.000 образцов народной поэзии Индии и переведшего часть из них на английский язык.

Перевел Н. РАЗГОВОРОВ

Гарри Шварц в затруднении

Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала несколько статей Гарри Шварца о его поездке по Советскому Союзу.

хитростью рассказать на страницах «Нью-Йорк таймс» американским читателям о том, что он увидел у нас.

Что же пишет о нас Шварц, который считается в «Нью-Йорк таймс» специалистом по России? В прошлом он не написал доброго слова о нашей стране. Всегда, неизменно Гарри Шварц чернил и осуждал внешнюю и внутреннюю политику СССР, жизнь в Советском Союзе. Недавно он увидел Советскую страну своими глазами.

Гарри Шварц по-своему понимает долг журналиста и избрал другой путь. Это — путь уверток, вымыслов, лживостей, сплетен, анекдотов. Наряду с выуженными признаниями Шварц обрушивает на головы американских читателей целые страницы такой «развеселой клюквы», что она и занимает главное место в его статьях.

В статьях Шварца заслуживают внимания не его взгляды, — они известны, — а те своеобразные «творческие» трудности, с которыми он сталкивался. Ведь он писал много лет одно, а увидел другое.

Шварц признает, что религия не присутствует и церкви открыты. Однако он пишет: «Члены коммунистической партии опасаются, как бы их не увидели на религиозных службах». Значит, мол, нет и свободы религии.

Затруднения Шварца начались с первого дня путешествия. Раньше он утверждал, что Советский Союз отгородился от других стран «железным занавесом». Но стоило только ему, Гарри Шварцу, попросить разрешения на въезд в СССР, как он его получил.

Шварц признает, что советская власть осуществляет равноправие национальностей: насильственной «русификации» нет, пишет он. В то же время он утверждает: национальные обычаи и особенности в Азербайджане так грубо нарушены советской властью, что в Баку «женщины выходят на улицу с открытыми лицами», и вообще костюмы бакинских жителей не отличаются от костюмов советских людей в других городах СССР.

Шварц писал раньше, что в Советской стране нет свободы личности, свободы общения и вся жизнь проходит под контролем «полиции». Оказалось, — и он вынужден это признать, — что свобода личности и общения у нас существует, что за ним никто не следил и он, Шварц, мог здесь беседовать, с кем хотел, ходить и сидеть в любом направлении. Шварц писал о «гонениях» на религию, — он увидел полнейшую свободу вероисповедания, много действующих церквей. Гарри Шварц рассуждал в своих прежних писаниях о «слабости» нашей промышленности, — теперь он увидел ее мощь. Он уверял, что мы живем все хуже и хуже, — а теперь вынужден признать, что условия жизни «за последние десять лет резко улучшились». Раньше он утверждал, будто бы коммунизм держится на темноте и «безграмотности» масс, — а теперь пишет с треволот о большом размахе высшего образования в СССР. Он высказывал опасение, что через короткое время «Соединенные Штаты могут в техническом отношении остаться позади Советского Союза».

Именно поэтому Шварц признает, что советский народ поддерживает миролюбивую политику своего правительства, что «всекие разговоры насчет возможного свержения правительства беспочвенны». Но тут же он недвусмысленно намекает на то, что еще в 1946 году следовало бы сбросить атомную бомбу на СССР.

Что было делать Шварцу, попавшему в столь затруднительное положение? Можно было бы признаться, что это все — не более чем заблуждения. Можно было просто и бес-

Кирилл ДЕНИСОВ

ПОСТАНОВКА «Гамлета»

«Гамлет» — всегда событие. «Гамлет» в исполнении соотечественников Шекспира тем более привлекает внимание любителей театра. Гастроли английской труппы, прошедшие сейчас в Москве, естественно, стали в течение последней недели центром театральной жизни столицы.

Простота и поэзия

На спектаклях английского театра в Москве

Занавес в фойе МХАТ раздвигается при переполненном зале. И вот перед нами замок Эльсинор, рожденный художником в условно реалистической традиции. Декорация остается неизменной в своей основе от начала до конца представления, и это в значительной степени характеризует все направление спектакля, бережно выстроенного талантливым режиссером Питером Бруком в рамках реалистической театральной школы.

Можно говорить о том, что трагическое раздумье Гамлета недостаточно углублено, что в поле зрения Гамлета — Скофилда остаются лишь конкретные связи его личной человеческой драмы. Но, как известно, толкования этой роли неисчерпаемы. Нельзя отнять у Гамлета лишь одного — его великой непримиримой чистоты, которая не хочет и не может мириться ни с подлостью, ни с предательством, ни с двоедущием, ни с мелочным расчетом. Эта кристаллическая натура обязана вступить в смертельную схватку с темными силами жизни. Непримиримость, чистоту и свет — вот что должен принести Гамлет зрителю через всю горечь и муки своих сомнений и разочарований.

Исполнители с первого же слова находят зерный, естественный тон. Действие развивается стремительно и тотчас захватывает зрителя яркостью рисунка, живостью интонации, отлично продуманной связью сцен.

Есть ли все это у Скофилда? Да, несомненно есть. Замысел, темные страсти, окружающие Гамлета, возбудили в нем поток светлых, но не менее ярких страстей. Поэтому и поступок актера естественна и проста, жест скромен, сдержанна мимика, а чтение шекспировских стихов, при отличном знании и музыкальности, сохраняет прозрачность простоты.

Гамлет — Пол Скофилд привлекает внимание зала с момента появления на сцене. Горькое юное сердце осязательно в складке рта, в изломе бровей, в добром, внимательном взгляде.

Самое же большое преимущество Скофилда в том, что Гамлет его по-настоящему юн, что мудрость его не есть результат прожитой жизни, успокоения и разочарования, а жрденная пламенным прозрением светлой и чистой души.

Возникает вопрос: почему же Гамлет Брука позволяет сделать ему несколько критических замечаний, которые, разумеется, всегда помыслил, так как для каждого художника «Гамлет» — материал для самостоятельных творческих размышлений. Думаешь, что спектакль в чем-то теряет свою силу именно тогда, когда Питер Брук увлекается остротой внешнего приема за счет правды и глубины раскрытия жизненных отношений?

Так, например, сцена безумия Офелии в какой-то момент становится самостоятельным вводом, притягательным. Если можно так выразиться, сцена эта несколько модернистна по отношению ко всему верному, естественному развитию спектакля.

Текст знаменитой трагедии так хорошо известен советскому читателю и зрителю, что он оценивает каждую оригинальную деталь повествования персонажем, каждый необычный оттенок интонации.

Быть может, такое впечатление рождается от облика Офелии или патологической болезненности интонаций речи и пения.

Отлично использована здесь музыка, своим балаганам, карусельным простодушием оттеняющая, подчеркивающая весь сарказм и жестокость происходящего разоблачения.

Должно ли быть красивым безумие? Разумеется, нет. Но при восприятии подобных жестоких сцен у зрителя всегда борются два чувства: увлечение впечатляющей силой действия и естественное, законное отвращение к болезненности, зоологичности. Здесь мера в выборе грима, жесты, интонации решают все. Ведь нашел же Питер Брук сценические образы, захватывающее решение фантасмагоричной сцены. Сдержанная дворянская ласка, внезапно срывающаяся в бешеную схватку, передает самую суть события, ни на секунду не отталкивая зрителя натуралистичностью эффекта.

Эта маленькая, ползуемая подробность отлично найдена режиссером. Она и объясняет и подчеркивает те тяжкие отношения, которые сложились к этому моменту между героями трагедии, накаливает гнев и боль, торопит возмездие.

Занавес опустился. Он открывается вновь, и зритель благодарно аплодирует исполнителю, вышедшему на просторы. Много раз залергались и вновь открывались занавес, а зритель все не хотел расстаться.

Этот успех. Хороший, заслуженный успех молодых всмысленных художников, пришедших в Московский театральный институт культуры.

С. ГЕРАСИМОВ,
народный артист СССР

М. П. Петров

29 ноября скоротечно скончался талантливый удмуртский писатель Михаил Петрович Петров.

М. П. Петров родился в 1905 году в деревне Монашево, Бондюжского района, Татарской АССР, в семье крестьянина-бедняка. Он рано осиротел и с 12 лет батрачил у кулаков.

С 1923 по 1932 год М. П. Петров находился в рядах Советской Армии. В 1928 году начал литературную деятельность и выдвинулся как автор ряда произведений в прозе и стихах и переводчик на удмуртский язык классиков русской литературы и современных писателей. Им издано несколько сборников стихотворений, повести, рассказы, повесть «Перед рассветом» и роман «Старый Мултан». Он был известен и как драматург. М. П. Петров писал о Советской Удмуртии, о ее людях, о социалистическом

труде и ратном подвиге советских воинов, о прежней тяжелой и ненасильственной жизни. Многие его стихотворения переведены на музыку и стали любимыми песнями удмуртского молодежи.

М. П. Петров редактировал удмуртский литературный альманах «Кизил» («Звезда»), был чутким воспитателем литературной молодежи.

Советское правительство достойно оценило заслуги М. П. Петрова, он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», орденом Красной Звезды и медалями.

Память о талантливом писателе-коммунисте надолго останется в сердцах его друзей и читателей.

Правление Союза писателей СССР,
Правление Союза писателей Удмуртской АССР

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).